

УДК 140

Нравственность как идейное основание философии права П.И. Новгородцева

Е.Ю. Матросова

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды П.И. Новгородцева на право и нравственность. Великий русский мыслитель подвел итог многовековому спору о соотношении права и нравственности, подвергнув каждый аргумент глубокому философскому анализу.

Abstract. This paper is about P.I. Novgorodtsev's opinions on right and morals. The outstanding Russian thinker has summed up the centuries-old dispute about correlation of right and morals, having subjected each argument to the deep philosophical analysis.

1. Введение

Павел Иванович Новгородцев принадлежит к той плеяде блестящих русских философов, благодаря которым в конце XIX в. и в дооктябрьские годы XX в. русская философия достигла пика своего расцвета. События, произошедшие в России в начале XX века, практически остановили свободное развитие русской философской мысли. Эмигрантский период русской философии вспыхнул последней искрой на фоне серого европейского практицизма, но так и не зажег сухого по сути его позитивистского устремления, энергично наступавшего на метафизику. Насильственно перенесенные с родной земли за границу и продолжая работать там, даже лучшие умы не смогли обеспечить преемственность своих исследований последующими поколениями. Но "талант", без сомнения, данный русским мыслителям самим Богом, не был закопан в землю, и пришло время вернуться за ним. Более того, это обязанность нового поколения исследователей истории русской философии, получивших доступ к трудам выдающихся мыслителей России и возможность свободного осмысления доставшегося нам бесценного наследия. Философская наука нашего времени, освобожденная от догматизма советского периода, еще только обретает почву, обращаясь к тем корням, которые, благодаря величайшим русским философам, далеко проникли в глубину бесконечных исканий истины и вынесли на поверхность человеческого разума те фундаментальные, основополагающие идеи, которые составляют бесценный фонд золотого периода русской философии.

Одной из этих идей является понятие нравственности как ключевого подхода к пониманию личности в свете идеалистических устремлений. Для Новгородцева, как философа права, наиболее важной была проблема соотношения нравственности и права. Утверждение этического идеализма в философии права в конце XIX в. открыло простор новому освещению важнейших вопросов теории и практики юриспруденции. Новгородцев, как один из самых ярких представителей этого философского течения, в 1899 г. выступил со статьей "Право и нравственность", в которой с позиции твердого сторонника либеральной философии права в полемике с Владимиром Соловьевым констатировал несводимость права и нравственности друг к другу и устанавливал связь обоих начал на почве естественно-правовой идеи, что определило принципы нравственной критики позитивного права.

2. Теоретико-правовые подходы к пониманию различия и связи нравственности и права

Новгородцев формулирует понятие права исходя из идеи его неразрывной связи с нравственностью. Вопрос о соотношении права и нравственности Новгородцев определяет как один из наиболее сложных и противоречивых в философии права. Сложность этой проблемы начинается с того, что личность как носительница нравственных норм сталкивается с обществом, среди членов которого эти нравственные нормы сильно различаются, вследствие чего неизбежны взаимные недоразумения и столкновения. Но человек по своей природе, говорит Новгородцев, "существо общежительное", для которого общение с другими в той или иной форме является насущной потребностью.

Сходство потребностей заставляет людей соединяться в общество, но это соединение вызывает и споры, поскольку сходные желания порождают стремление к обладанию одним и тем же, а различие человеческих взглядов и стремлений становится источником бесчисленных разногласий. Причем "чем выше общество по своему развитию, – отмечает *Новгородцев* (1995а), – тем разнообразнее эти противоречия и тем серьезнее эти столкновения". Философ объясняет это тем, что усложнение жизни и рост культуры всегда приводят к внутреннему расчленению первоначально однородных союзов и

создают сложную группировку лиц в зависимости от рода их занятий и общественных положений. К различиям индивидуальным присоединяются противоречия целых общественных групп, приводящие к серьезным столкновениям. Дальнейшее развитие общества, по мнению Новгородцева, может устранить или сгладить классовые противоречия и резкую обособленность отдельных групп, но оно не в силах устранить естественных индивидуальных различий членов общества и разнообразия их жизненных положений.

Таким образом, потребность общения и противоречие частных стремлений как классовых, так и индивидуальных, для Новгородцева являются двумя "элементарными аксиомами", от которых необходимо отталкиваться при объяснении соотношения между нравственностью и правом. При этом "право и нравственность, – утверждает философ, – являются силами, обуздывающими произвол человеческих страстей, вносящими мир и порядок во взаимные отношения людей и противопоставляющими эгоизму частных стремлений интересы общего блага и требования справедливости" (Новгородцев, 1995а). Здесь следует отметить то огромное значение, которое придавал Новгородцев праву и нравственности для общества. Нигде и никогда он не ставил под сомнение их силу, вся его философия зиждется на глубоком убеждении в том, что развитие общества, в каком бы направлении и как далеко оно ни ушло, не может привести к потере хотя бы одного из этих достойнейших человечества.

В общем призвании права и нравственности заключается их единство. И действительно, в ранние эпохи развития человечества, которые Новгородцев называет "эпохами первоначального единства", право и нравственность были до такой степени слитны, что невозможно разделить их специальные области. Простота жизненной обстановки легко подчинялась общим требованиям, по преимуществу религиозным, которые заключали в себе основу всех общественных предписаний.

Последующее развитие культуры нарушает первоначальное единство и приводит к обособлению различных сторон общественной жизни. Это относится и к праву, и к нравственности: от первоначальной слитности они переходят постепенно к взаимному обособлению, в результате которого получают характер отдельных, хотя и тесно соприкасающихся областей. Но Новгородцев (1995а) убежден в том, что "ни право без нравственности, ни нравственность без права не могут рассчитывать на прочное существование и развитие", что подтверждает их неразрывную внутреннюю связь. Подчинение одному и тому же закону общего развития приводит к тому, что прогресс в одной области рано или поздно отражается в другой.

Но между правом и нравственностью, несомненно, имеются различия, которые проявляются при достижении ими определенной степени обособленности, когда они приобретают самостоятельное значение. Новгородцев разделяет утверждение, что право есть минимум требований, предъявляемых обществом к лицу. Юридические предписания, по его мнению, более ограниченные, чем нормы нравственные, при этом право "никогда не может всецело проникнуться началами справедливости и любви" (Новгородцев, 1995а). Соглашаясь с определением права как минимума требований, Новгородцев утверждает, что нельзя называть право "этическим минимумом", поскольку в некоторых случаях право может вступать в противоречие с нравственными нормами, ведь к его области могут относиться не только действия, безразличные с нравственной точки зрения, но даже и запрещаемые нравственностью. В этом заключается одно из главных различий права и нравственности. Не будучи всецело нравственным, право дает известный простор личным интересам и стремлениям, даже эгоистическим и своекорыстным. Нравственность, напротив, представляет собой воплощение альтруистических начал, в связи с чем ее требования имеют более всеобъемлющий и безусловный характер.

Следующее различие, по мнению Новгородцева, заключается в том, что право отличается не только ограниченностью, но и точностью своих предписаний. Правовые нормы устанавливаются в каждом случае совершенно ясные и определенные предписания. Нравственность же, требуя служения людям, исполнения закона добра, не определяет точно форм этого служения, предоставляя человеку самому найти в каждом отдельном случае способ выполнения нравственных заветов по его усмотрению. "Для достижения нравственного совершенства, – убежден Новгородцев (1995а), – нет и не может быть никаких заранее установленных рамок; это область постоянного стремления к добру, высшая цель которого переходит за пределы всяких личных соображений и расчетов, чтобы торжествовать победу над эгоизмом в подвигах самозабвения и самопожертвования". В этом выражается безграничность морали по сравнению с ограниченностью права.

Новгородцев также выделяет различие между правом и нравственностью в том, что для права важны только внешние деяния людей. Для соблюдения правовой нормы безразлично, выполняется ли долг по внутреннему убеждению или только из боязни законного преследования. Внутренние мотивы принимаются во внимание правом только при определении виновности лица, но и здесь это требуется, как считает Новгородцев, только для установления факта правонарушения. Но для нравственности это не

безразлично; она осуждает действия, имеющие только видимость добрых, но на деле побуждаемые своекорыстными интересами.

Принудительный характер юридических норм, опирающихся на государственный аппарат принуждения, отмечает Новгородцев, также отличает право от нравственности, рассчитывающей на добровольное выполнение ее требований. Для него внести принуждение в нравственность – значит извратить саму ее сущность, которая необходимо предполагает свободу каждого в исполнении нравственного долга. Принудительная система морали в случае несогласия лица с общими требованиями, считает Новгородцев, не оставила бы лицу иных выходов, как "лицемерие для слабых и мученичество для сильных".

Новгородцев утверждает, что перечисленные выше различия нравственности и права возникли не сразу, а в результате развития общества и обособления этих двух систем правил поведения. Отправным пунктом для философского объяснения самостоятельности правовых норм для Новгородцева является убеждение в том, что нравственность, по сравнению с правом, представляет собой "высший размер требований", предъявляемых лицу. Именно как нечто высшее и более трудное, нравственность должна быть свободным идеалом, к которому человек возвышается добровольно, тогда как право представляет собой более элементарные требования, обязательные к исполнению. С этой точки зрения Новгородцев объясняет столкновение низших требований с высшими, когда право допускает в определенных пределах эгоистичные действия, запрещаемые моралью.

Объяснение процессу обособления права от нравственности философ видит также в том, что со временем для общества стала очевидна двойственность нравственных норм: выполнение одних было необходимо для нормального общения лиц, а потому они обязательны для всех, другие не имели такого значения и не влияли на порядок в обществе. С другой стороны, за отдельным лицом стали признаваться такие права, такая свобода действий, которые относятся к его личной жизни, а потому не подлежат правовому регулированию. При этом Новгородцев предостерегает от неверного понимания свободы нравственности, ведь в моральной области, так же как и в правовой, есть общие нормы поведения, поскольку "не может быть для каждого лица совершенно особой нравственности и своего кодекса правил" (Новгородцев, 1995а).

Нравственность, как область проявления свободы, предполагает нормативно-этическое самоопределение личности. "Только личность, – убежден Новгородцев (1909), – является единственным источником сознательных решений и носителем идеи должного. Через индивидуальное переживание личности общественные цели приобретают нравственную форму. Самоопределяющаяся, автономная, гармоничная личность является нравственной основой общества, реализуя в нем свое нравственное призвание".

Моральная свобода человека в известной степени ограничивается также и общественным мнением, называемым философом "психическим принуждением", избежать которого нельзя, ведь общество не может не высказываться относительно поведения своих членов. Поэтому общественное мнение воздействует с необходимостью на нравственное настроение своих лиц, и устранить это воздействие Новгородцеву не представляется возможным, поскольку требования окружающей среды неизбежно претворяются в сознании человека в его собственные чувства и стремления, и в таком случае "психическое принуждение" становится нравственным воспитанием. В то же время Новгородцев допускает, что боязнь общественного осуждения вызовет у некоторых "лицемерную видимость" нравственного поведения, под которой может скрываться полное пренебрежение к нравственным началам. В такой ситуации для мыслителя важно, чтобы общественное мнение не принимало характер прямого принуждения, а для личности оставалась возможность "свободного исполнения свободно воспринятой нормы" (Новгородцев, 1995а). Таким образом, Новгородцев говорит об общественной направленности морали, проявление которой возможно лишь в социальной среде, но приоритет которой над этой средой очевиден.

К праву, как обособленной от нравственности системе норм поведения, Новгородцев предъявляет требование, чтобы оно было бесспорным. Для этого нормы должны быть точными и определенными и не зависящими от субъективного усмотрения судей. Но в действительности судьи, не связанные в своих решениях ничем, кроме своей совести и своих нравственных воззрений, могут постановлять различные решения в сходных ситуациях в зависимости от своего настроения и чувства. "В то время, когда судебные приговоры постановляются по свободному усмотрению судей, – делает очень важное замечание Новгородцев, – они находятся в полной зависимости от всех колебаний их нравственного чувства" (Новгородцев, 1995а). По убеждению философа, развитый юридический оборот не может допускать такого произвола. К сожалению, мы можем только согласиться с этим и констатировать, что юридическая практика до сих пор подтверждает опасения Новгородцева, и внутреннее убеждение судьи, наряду с правовыми нормами, является основанием для вынесения

судебного решения. А между тем именно в этих качествах – твердости и определенности – философ видит главный залог успешного действия права, а стремление к усвоению этого правила составляет самую основную черту в развитии права. "Но чем более право усваивает этот характер, – считает Новгородцев, – тем более стремится оно к отрешению от непосредственной связи с нравственностью, идеалом которой является свободное осуществление закона независимо от контроля власти и силы принуждения" (Новгородцев, 1995а). Таким образом, различие требований, предъявляемых к праву и нравственности, является дополнительным толчком к их обособлению.

3. Основы взаимосвязи права и нравственности

В связи с вышеизложенным возникает вопрос, не приведет ли дальнейшее развитие права в направлении точности и строгости, о котором говорит Новгородцев, к такому отделению от нравственных норм, что само право станет безнравственным, "простым продуктом силы"? Ответ на этот вопрос у Новгородцева заключается в идее непрекращающейся неразрывной связи права и нравственности, которую он горячо отстаивает. Для доказательств этой связи Новгородцев отмечает тот факт, что в истории случались переходы юридических требований в моральные и наоборот, и объясняет это постепенной победой принципа нравственной свободы над началом юридического принуждения, или наоборот, изменением взглядов общества на действия, которые ранее предоставлялись чисто нравственному усмотрению, но впоследствии были взяты под охрану права. Это говорит о подвижности границ двух исследуемых областей и означает, что праву в определенной мере присущ нравственный элемент.

Это нравственное начало для права в более ранние эпохи было настолько важно, что философы и юристы считали возможным осуществление в праве безусловного нравственного идеала. "В эпоху господства школы естественного права, – говорит Новгородцев, – все были убеждены в том, что существует некоторое совершенное и вечное право – разумное, как сама истина, справедливое, как чистое воплощение правды". Эта вера в безусловную силу разума сменилась более реальным воззрением исторической школы, которая учила, что право создается всем ходом развития нации и представляет собой строго логическую и стройную систему норм, которая обладает временным совершенством. Но обе эти точки зрения остались позади современной юриспруденции, которая, по словам Новгородцева, учит, что право есть результат взаимодействия и сложной борьбы различных общественных сил, оно никогда не может быть ни строго логическим, ни совершенным и справедливым, поскольку не может вполне примирить и удовлетворить различные общественные элементы. "Отсюда вечное искание новой правды, – утверждает, опираясь на факты действительности, Новгородцев (1995а), – которое не может прекратиться, как не могут исчезнуть общественные различия и разногласия".

Из этого рассуждения философ делает важный вывод о том, что праву, как определенной силе, с самого начала присущ не столько завоевательный, сколько примирительный, а значит нравственный, характер. Оно стремится приобрести суверенное значение в обществе, сделаться силой, господствующей над всеми другими силами, но с той только целью, чтобы возобладать над противоборствующим общественным стремлениями. Из этой примирительной миссии права в обществе, развившемся в государство, возникает особый государственно-правовой интерес, который действует наряду с интересами отдельных общественных групп, то усиливая их своей поддержкой, то ограничивая их в своих притязаниях. В этом Новгородцев видит связь права с нравственностью и отличие его от силы. "Господство силы как таковой есть господство произвольное и одностороннее, обусловленное исключительно ее наличным весом и случайным усмотрением" (Новгородцев, 1995а), – утверждает Новгородцев. Напротив, признавая право, сила отказывается от этого одностороннего господства и сама подчиняется некоторым определенным условиям, ограничивающим ее произвольное проявление. Право не может существовать без силы, которая его поддерживает, но, с другой стороны, и сила не может существовать без права, ее ограничивающего, и истинная сущность права состоит в этой границе, полагаемой им для силы, а не в той опоре, которую дает ему сила.

Проявление ограничивающей и умеряющей роли права Новгородцев видит в том, что право вносит принципы ограничения и уравнивания во взаимные отношения общественных групп и частных лиц. Новгородцев уверен: "Если бы право прониклось началом справедливого уравнивания всех, оно воплотило бы в себе чистую идею правды" (Новгородцев, 1995а). Он убежден также и в том, что право действительное никогда не может стать подобным чистым отражением справедливости, но без нравственных понятий взаимоограничения и обязанности нет права, а есть только сила, проявляющаяся произвольно и стихийно, подобно силам природы. Справедливость как нравственный элемент права есть само по себе сила, имеющая свойство подкреплять своим авторитетом другие силы, которые с ней соединяются. Следовательно, право способно пользоваться не только одним внешним, но также и внутренним авторитетом как явление, сопричастное нравственному миру. В этом Новгородцев видит

объяснение связи права с нравственностью. Юридический закон не требует со стороны подчиняющихся ему лиц внутреннего настроения и удовлетворяется одним внешним исполнением, но для его успешного действия внутренний авторитет права представляется Новгородцеву необходимым условием, поскольку если бы в обществе право осуществлялось исключительно из страха принуждения и никогда не подкреплялось внутренним сознанием его справедливости, оно было бы в высшей степени непрочно и ненадежно.

Особенное значение Новгородцев придает моральной поддержке публичного права, где к собственно юридическому элементу необходимо присоединить нравственный. Философ полагает, что вся область общественно-политических прав и обязанностей при нормальных условиях "проникается известным нравственным духом, вносящим животворные начала в общественную жизнь" (Новгородцев, 1995а). Новгородцев глубоко верил, что этот нравственный дух, возводящий чисто юридическое исполнение закона до степени нравственного служения долгу, не может быть вызван только законодательными предписаниями и принудительными мерами, а обуславливается наличием в обществе "сознания обязанности и чувства преданности общему делу". Частное право также не может обойтись без нравственной поддержки, иначе общество представляло бы собой "союз враждебных сил". Признавая могущественное воздействие нравственности на юридический оборот, Новгородцев отводит праву важную роль и для развития самой нравственности. Одних внутренних мотивов недостаточно, чтобы устранить столкновения между людьми. "Под охранительной сенью закона, – говорит мыслитель, – утверждаются и упрочиваются связи нравственные" (Новгородцев, 1995а). Право не создает нравственности, но обеспечивает для нее возможность успешного развития, а также имеет определенное воспитательное значение.

Таким образом, Новгородцев резюмирует, что если право и нравственность и отделяются друг от друга, избирая для себя самостоятельные пути развития, то они все же не утрачивают своего взаимодействия, которое заключается в том, что "там, где право отказывается давать какие-либо предписания, выступает со своими велениями нравственность; там, где нравственность бывает не способна одним своим внутренним авторитетом сдерживать проявления эгоизма, на помощь ей является право со своими средствами внешнего принуждения" (Новгородцев, 1995а).

Новгородцев сравнивает право и нравственность во взаимных отношениях с двумя пересекающимися окружностями, у которых есть, с одной стороны, общая сфера – сфера пересечения, в которой содержание их предписаний совпадает, и вместе с тем две отдельные области, в которых их требования не сходятся и часто даже противоречат друг другу. Но со временем взаимодействие права и нравственности, по мнению философа, скорее крепнет, чем ослабляется, и сам он от будущего ожидает такого их единения, при котором юридические нормы будут вернее отражать требования нравственного сознания, а внутреннее чувство человека будет одухотворять собой внешнее исполнение закона.

Не ограничиваясь теоретико-правовыми различиями права и нравственности, Новгородцев рассматривает право и нравственность как нормативные системы, анализируя их не только как исторические явления, но и как эмоциональные, психические переживания личности, определяет приоритет индивидуально-психологической и нормативно-этической позиции в исследовании этих феноменов.

Нормативно-этическое рассмотрение природы нравственности приводит философа к признанию ее абсолютной ценности. Он обосновывает моральный абсолютизм через соотношение понятий формы и содержания. В этом плане им отстаивается определенная историческая изменчивость морали, наполняющейся в различные эпохи конкретным содержанием. Новгородцев связывает абсолютизм с формой нравственности: "Это абсолютизм не факта, а идеи, – пишет мыслитель, – не проявления, а сущности, не конкретного содержания, а отвлеченной формы всеобщего долженствования, в которой он только и может мыслиться" (Новгородцев, 1909). Новгородцев подчеркивает, что нравственное сознание изначально стремится к воплощению нравственного идеала. Развитие нравственности предполагает различные ступени этого воплощения, но на каждой из них проявляется одна и та же тенденция – найти содержание для безусловного нравственного закона. Исследуя диалектику относительного и абсолютного в нравственной идее, философ приходит к выводу о том, что никогда абсолютная форма не может быть заполнена адекватным содержанием, и никогда нравственный призыв не может удовлетвориться достигнутым результатом. Из абсолютизма и формализма нравственной идеи, как полагает Новгородцев, вытекает ее критическая функция. Критичность нравственного идеала, лежащего в основе моральной философии, по сути, дает практической правовой деятельности философское и духовное обоснование выбранного направления, раскрывает весь глубинный смысл нравственной задачи. Моральная оценка, даваемая действительности, может быть в практическом отношении бесплотной, но иметь значительный нравственный смысл. "Отвлеченный анализ идеи должного, –

говорит философ, – не дает советов для решения вопросов дня, но зато он вознаграждает напоминанием о том, что будет иметь значение одинаково в конце дней и в их начале" (*Новгородцев*, 1904).

С этой точки зрения на нравственность Новгородцев рассматривает и связанное с ней право – как абсолютную идею, как часть мирового этического порядка, существующую объективно, подобно тому, как объективно существует весь разумно-нравственный порядок, как существуют законы природы. В связи с этим философ выделяет два ряда общих принципов, вытекающих из идеи права: свобода и самоцельность личности, а также необходимость организации общественной жизни.

Как полагает Новгородцев, единственным источником идеи должного является разум. "Нравственное долженствование, – считает мыслитель, – выражает такой вид необходимости и такую связь с основаниями, которых нельзя встретить во всей остальной природе, помимо внутреннего сознания человека" (*Новгородцев*, 1903).

4. Различие подходов к проблеме соотношения права и нравственности в западноевропейской и русской философской традиции

Изучая воззрения Новгородцева, становится очевидным, что он не одобрял широко принятого среди его предшественников и современников противопоставления морали праву, как не разделял он и позиции приверженцев либо права, либо морали. Для него несомненной была тесная связь этих двух источников норм общественных отношений. Новгородцев не просто отвергает учения, отрицающие эту связь, но подробно анализирует их, выявляет теоретические и практические противоречия, и в этом анализе, в самих этих учениях он находит подтверждение своим взглядам, показывая тем самым всю несостоятельность воинствующего морализма и ортодоксального позитивизма.

Довольно большое значение праву придавали западные философы. Кант, по мнению Новгородцева, верно указал различие права и морали, однако их связь между собой установить не смог. Подробно разбирая учение Канта о моральности, которую тот определял как "долг ради долга", и о легальности, учитывающей мотивы поведения, Новгородцев приходит к заключению, что, с позиций философии Канта, все законы моральны, однако законы разума имеют чисто внутренний характер, а законы юридические содержат внешние мотивы и, соответственно, обладают внешним характером. Общим у этих законов (моральных и юридических) являются законодательство разума (единственный источник) и идея обязанности, которая одинаково свойственна этим областям. Этические предписания касаются как внешних, так и внутренних обязанностей, как те, так и другие могут быть выполняемы по "чистой идее долга". Поэтому этические законы включают более широкий круг предписаний, чем юридические: кроме собственно-этических, они предписывают и юридические императивы. "Внешние юридические обязанности приравниваются к нравственным, – считает Новгородцев, – поскольку они могут выполняться помимо принуждения, из одного уважения к закону" (*Новгородцев*, 1901). Таким образом, у Канта сфера нравственности не просто пересекается со сферой права, в результате чего получается некоторая общая область регулирования, как это представляется Новгородцеву, но полностью поглощает положительные нормы. В результате право получает нравственное оправдание даже там, где оно поощряет эгоистические интересы личности, не совместимые, по мнению Новгородцева, с нравственным идеалом. Это приводит к преувеличению значения права.

Новгородцев развивает идею Канта о том, что нравственная оценка независима от научно-детерминистского познания: "Научные представления о законах развития общества и вероятные гипотезы о будущем не имеют никакого отношения к источнику нравственных обязанностей – моральный долг может заставить личность идти против вероятного либо очевидного естественного хода событий" (*Новгородцев*, 1902). Однако Новгородцев считает необходимым приблизить формальную волю к действительной жизни. Четкое отграничение сферы морали от сферы эмпирических действий было необходимо для уяснения существа и специфики нравственности, но каким образом может быть осуществлен нравственный идеал? Поиск всеобщего закона неизбежно приводит к выделению одной только формы волеизъявления. В этом отношении "формализм" неустраим и вполне законен. Но, по мнению Новгородцева, Кант ошибочно превратил теоретическую формулу категорического императива в единственно-нравственный мотив (*Новгородцев*, 1901).

Осознание внутреннего морального закона – это, по мнению Новгородцева, основа индивидуализма, который затрудняет переход к "объективной" этике, к общению людей друг с другом. Последнее у Канта подразумевается и требуется категорическим императивом, однако, считает Новгородцев, теоретически не обосновано. Мораль, согласно Новгородцеву, должна быть "осуществляющимся законом жизни", поэтому основной метод усовершенствования учения Канта – это осуществление должного перехода от формальной этики к теории права и государства, раскрытие связи общества и личности. Идея самозаконности личности по Канту, считает Новгородцев, не дает

полноценного представления о действительной связи лиц в обществе, связи, учитывающей их различия и способы общения в интересах целого.

Среди отвергающих силу права Новгородцев выделяет Льва Толстого, чье учение он назвал "отвлеченным морализмом доктрины непротivления злу" (Новгородцев, 1997). Отрицая значение процесса усовершенствования правовых форм, Толстой утверждал, что "истинное социальное улучшение достигается только религиозно-нравственным совершенствованием отдельных личностей", и более того, весь путь к правовому государству он называл "неправильным и ложным, ведущим к пагубной цели". На такие заявления Новгородцев отвечает очень метким для начала XX века сравнением: "Проповедовать русским, что внешние формы жизни не важны, все равно, что людям, пострадавшим от долгого пребывания в тесном и душном помещении, говорить, что для них не важно перейти в светлый и просторный дом". Однако в отличие от такого бесспорного блага, как "светлый и просторный дом", ценность права Новгородцеву необходимо было еще доказывать и защищать, его целью стало "оправдание права" (Новгородцев, 2000).

Это определение направления своей философии родилось у Новгородцева, вероятнее всего, под воздействием названия одной из статей Соловьева "Оправдание добра" и как бы в противоположность мыслям Соловьева. По этому поводу Новгородцев отмечал, что в начале своей литературной деятельности Соловьев разделял оптимистическую веру славянофилов в историческое превосходство русского народа над всеми прочими и даже высказывал мысль, что русский народ призван к небесному и потому не должен заботиться о земном. Следовательно, все внешние формы общественности, в том числе и правовой порядок, не имели для Соловьева тогда ровно никакого значения. Но со временем русская действительность и занятия философией заставили его отступить от славянофильства.

Идею права Соловьева, которая развилась у него в результате перемены взглядов, Новгородцев называет "в высшей степени реальной и практичной" (Новгородцев, 1995б). Одной из главных основ нравственной философии Соловьева Новгородцев считает мысль о том, что общественная организация и правовые учреждения, безусловно, важны для нравственного прогресса. В этой связи Новгородцев причисляет Соловьева к наиболее видным защитникам правовой идеи среди философов XIX века. Не вступая в прямую полемику с реалистическими учениями, как отмечает Новгородцев, Соловьев предпринял попытку отстоять идеальную сущность права и "обнаружить силу права против права силы" (Новгородцев, 1995б). Новгородцеву близка позиция Соловьева, определявшего высшую задачу права в служении целям нравственного прогресса человечества.

Однако Соловьев постулирует право как нечто низшее по сравнению со сферой нравственности: по его мнению, право – это минимум нравственности, а нормы права обращены, как правило, лишь к неблагоприятным элементам общества. Новгородцев не разделяет такую точку зрения, считая равнозначными сферы права и нравственности в социуме. При этом несомненно, что область этики – это высшая ступень совершенствования индивида, а уровень нравственности населения отражается на постановке правовых проблем и методах их разрешения, но Новгородцев совершенно прав, когда считает необходимым признать за правом позитивные функции по обеспечению жизнедеятельности общества, которые с построением правового государства только усиливаются. Сферы права и морали имеют такое внутреннее соотношение, которое не позволяет отрицать одно во имя другого.

Центральный пункт философии Соловьева, по мнению Новгородцева, включает в себя идеи общественного идеала, в котором для развития человеческой свободы и нравственности необходимо благоустроенное общество, вне которого невозможно существование этих понятий. Таким образом, правовые учреждения чрезвычайно важны для морального прогресса, поскольку "существование общества, – по мнению Соловьева, – зависит не от совершенства некоторых, а от безопасности всех. Эта безопасность не может охраняться одним нравственным законом, который остается недействительным для людей с преобладающими противообщественными инстинктами. По отношению к этим последним необходима общественная организация... и юридический закон" (Новгородцев, 1995б). Здесь становится понятной нравственная задача права, какой видели ее великие русские мыслители – смирять злые наклонности, обуздывать упорный эгоизм лиц, бороться с несправедливостью и произволом сильных, обеспечивать общее равенство и свободу.

Не позволяя себе останавливаться всего лишь на констатации факта преувеличенного значимого подхода к праву на западе и отрицания некоторыми (в основном русскими) мыслителями значения права, Новгородцев анализирует причины такого отношения к системе положительных норм, и главную их видит в "глубочайших сомнениях современного правосознания" (Новгородцев, 2000), обусловленных несоответствием между идеальными стремлениями государства, непрекращающимся поиском идеальных форм правления и недостижимостью этих идеалов. К тому же, по утверждению Новгородцева, "современное нравственное сознание в своих требованиях к праву значительно ушло вперед" (Новгородцев, 2000).

Вопрос об осуществлении нравственного закона в мире выявил необходимость осмысления высшего синтеза сущего и должного, никогда не реализуемого до конца в эмпирической реальности. Черты такого синтеза доступны лишь метафизическому взору в области сверхопытного, трансцендентного. Тем самым философия права Новгородцева утверждала связь доступных научному анализу областей с миром абсолютных ценностей и начал. В этом признании Новгородцевым законных прав метафизики сказало влияние той русской философской традиции, у истоков которой стоял В. Соловьев.

Соотношение права и нравственности в поздних своих работах Новгородцев подробно изложил в статье "О самобытных элементах русской философии права". Если в ранний период творчества философу было важнее провести разграничение понятий права и нравственности для отыскания объективного смысла в этом размежевании, то теперь он стремится открыть истину в синтезе права и морали для нравственного совершенствования личности. Мыслитель отмечает, что "...высшим идеалом общественных отношений является внутреннее свободное единство всех людей", а "единственно верный путь к этому идеалу – это свободное внутреннее обновление отдельного человека и внутреннее осознание общей ответственности людей и их взаимной солидарности" (Новгородцев, 1991).

5. Заключение

Новгородцев называет право и нравственность средствами к обузданию противоречивых стремлений людей, которые всегда поддерживали саму возможность человеческого общежития. При этом право для Новгородцева представляется подкрепленным некоторой нравственной атмосферой, в которой оно действует, и из которой получает новые задачи. Особенно важной здесь представляется мысль философа о том, что в нравственности право черпает свои идеалы. Успех действия права – по глубокому убеждению Новгородцева – обусловлен тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку, а "из естественной связи права с нравственным сознанием общества вытекает их постоянное взаимодействие, одним из проявлений которого служит нравственная критика правовых установлений" (Новгородцев, 1997).

В процессе создания общественного идеала право и государство представляют собой определенные вспомогательные ступени этого развития, но они должны быть подчинены высшей нравственной норме. Поэтому необходимо, с точки зрения Новгородцева, – не разграничивать право, с одной стороны, и нравственность, с другой, а выявить непосредственную связь права и нравственности перед высшим нравственным идеалом, который образует норму социальной жизни.

Таким образом, в правовой теории Новгородцева абсолютная ценность нравственности не отвергает права как абсолютной идеи. В их основе – человеческая личность – носитель идеи должного. Право и нравственность представляют собой единый процесс отыскания совместного разумного сосуществования личности с обществом, равенства и свободы, имея общую цель – общее благо. Путь к этой цели – взаимное развитие.

Литература

- Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб., "Лань", с.5-6, 2000.
- Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл. Соловьева. Сочинения. М., *Раритет*, с.285-299, 1995б.
- Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., с.104, 1904.
- Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. СПб., "Лань", с.35, 1997.
- Новгородцев П.И. Мораль и познание: По поводу статьи Е.Н. Трубецкого "Новое исследование о философии права Канта и Гегеля". *Вопросы философии и психологии*, кн.4(64), с.824-838, 1902.
- Новгородцев П.И. Нравственная проблема в философии Канта. М., с.10, 1903.
- Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. М., с.264-281, 1909.
- Новгородцев П.И. О самобытных элементах русской философии права. В кн.: *Об общественном идеале*. М., Пресса, с.583, 1991.
- Новгородцев П.И. Право и нравственность. *Правоведение*, № 6, с.103-113, 1995а.
- Новгородцев П.И. Учение Канта о праве и государстве. *Вопросы философии и психологии*, кн.3(58), с.307-325, 1901.